
УДК 316.64

ЯКИМОВА Е.В.* ЯЗЫКОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI СТОЛЕТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. (Обзор). DOI: 10.31249/rsoc/2021.01.03

Аннотация. В обзоре рассматриваются социально-психологические аспекты лингвистических трендов XXI в.; на эмпирическом материале прослеживаются функции языка как инструмента формирования и сохранения социальных стереотипов; анализируются лингвистические составляющие комплексных идентичностей в рамках интерсекциональности и мультилингвизма, а также роль языка в конституировании межгрупповых отношений. Особое внимание уделяется потенциалу языковых вызовов современности для развития толерантности в глобальном мире.

Ключевые слова: языковые вызовы; глобализация; мультилингвизм; социолингвистика; язык в социальной психологии; социальное познание; идентичность; категоризация; стереотипы; предрассудки; интерсекциональность; коммуникация; метафора; стигма; историческая и культурная травма; позитивная психология.

YAKIMOVA E.V. Language challenges in the 21st century: socio-psychological aspects. (Review).

Abstract. The review studies socio-psychological aspects of linguistic trends in the 21st century; basing on empirical data, the paper outlines the functions of language as a tool for the formation and preservation of social stereotypes as well as analyzes the linguistic

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

components of complex identities in the framework of intersectionality and multilingualism, also considering the role of language in constituting intergroup relations. Particular attention is paid to the potential of contemporary language challenges for the development of tolerance in the global world.

Keywords: language challenges; globalization; multilingualism; sociolinguistics; language in social psychology; social cognition; identity; categorization; stereotypes; prejudice; intersectionality; communication; metaphor; stigma; historical and cultural trauma; positive psychology.

Для цитирования: Якимова Е.В. Языковые вызовы XXI столетия: социально-психологические аспекты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 51–75. DOI: 10.31249/psoc/2021.01.03

В обзоре представлены публикации из журнала *Journal of language and social psychology* (JLSP, 2020, Vol. 39, N 4), посвященные языковым вызовам, с которыми встретилось человечество в эпоху глобализации. Эта область знания традиционно является прерогативой социолингвистики и социологии языка, однако в данном случае проблемы, связанные с особенностями языковой коммуникации в III тысячелетии, рассматриваются в терминах психологии – социальной и, в меньшей степени, когнитивной. Такой угол зрения предполагает анализ вполне конкретных аспектов функционирования языка в современных социокультурных контекстах и, по преимуществу, эмпирический уровень исследования. В фокусе внимания авторов, чьи статьи включены в настоящий обзор, находятся такие темы, как роль языка в формировании и сохранении социальных стереотипов и предрассудков; его участие в конституировании социальных и личностных идентичностей, включая травмирующие и стигматизирующие измерения; язык как инструмент социокультурной категоризации и эксклюзии. Основной массив публикаций, вошедших в тематическую подборку JLSP, основан на данных лабораторных экспериментов; в ряде статей обобщаются эмпирические и полевые наблюдения; как правило, результаты исследования резюмируются в форме концептуальных гипотез, предполагающих их дальнейшую разработку.

Спецвыпуск JLSР, касающийся языковых вызовов XXI столетия, базируется на материалах одноименной конференции, которая проводилась по инициативе Европейской ассоциации социальной психологии (Варшавский университет, Польша, 20–21 июня 2019 г.); в работе конференции приняли участие психологи, социолингвисты и специалисты в области социокультурной коммуникации из Польши, Хорватии, Израиля, ФРГ и Великобритании. В предисловии к специальному выпуску JLSР его редакторы и организаторы конференции (Меган Бирни, Университетский центр Шрусбери, Великобритания; Тамара Ракич, Ланкастерский университет, Великобритания; Янин Рёссель, Мангеймский университет, ФРГ; Каролина Хансен, Варшавский университет, Польша) подчеркивают, что ключевая задача этих публикаций – привлечь внимание социальных исследователей к междисциплинарному характеру проблем, которые характерны для «языкового ландшафта XXI в.» [Language challenges in the 21st century, 2020, p. 429]. В минувшем столетии Г. Олпорт, размышляя о механизмах социальной категоризации и формирования предрассудков, акцентировал способность слова «нарезать на тонкие ломтики человеческую расу» [Allport, 1954, p. 178]. Олпорт имел в виду функционирование языка в качестве мощнейшего инструмента создания и трансляции социальных категорий (этнических, расовых, культурных, религиозных, гендерных, возрастных), включая формирование негативных образов аутгрупп. Сегодня, когда масштабы и темпы миграции и взаимопересечения культурных потоков достигли невиданных в истории масштабов, это наблюдение мэтра социальной психологии приобретает еще большую актуальность: «По мере того, как мы вступаем в 21-й год XXI века, – замечают Бирни и ее коллеги, – идея о словах, нарезающих крошку из социальной реальности, становится все более релевантной картине дня» [Language challenges in the 21st century, 2020, p. 429]. Как свидетельствуют материалы тематического раздела, сегодня инструментом «нарезания кусков» и последующей стигматизации становятся не только слова и их значения, но и прочие лингвистические средства (переключение культурных кодов, акцент, выбор в пользу той или иной части речи в качестве дескриптора, например гомосексуал / гомосексуальный). С одной стороны, культурное разнообразие и мультилингвизм в глобальном мире обогащают коммуникации и

связи; с другой – новые типы языкового ландшафта порождают новые препятствия в установлении межгрупповых связей и новые стереотипы и формы социальной эксклюзии.

Авторы предисловия подчеркивают, что «уникальные вызовы, обусловленные лингвистическим разнообразием» современной эпохи, не следует воспринимать как неизбежное зло глобализации и мультикультурализма. Задача состоит в том, чтобы «высветить роль и функции языка как средоточия, или сердца, социальных процессов» [Language challenges in the 21st century, 2020, p. 429]. С этой точки зрения статьи в JLSP можно разделить на три группы. К первой относятся публикации, посвященные «силе языка» как инструмента формирования и сохранения стереотипов в современном мире (язык, перцепция и социальные представления; воздействие языка на групповое и индивидуальное восприятие целевых аутгрупп; постулирование нормативности и девиантности путем языковой коммуникации). Вторую группу составляют работы, где язык рассматривается в качестве составной части интерсекциональности, во-первых, и комплексных идентичностей – во-вторых (пересечение языка и прочих социокультурных ключей и кодов, включая их визуальные образы). К последней группе следует отнести исследования, предлагающие новый взгляд на процесс формирования межгрупповых отношений, где главная роль отводится языку и языковой коммуникации. Таким образом, резюмируют свои рассуждения М. Бирни и ее соавторы, публикации, которые вошли в данный тематический раздел, отличают более глубокое осмысление традиционной темы социальной категоризации, стереотипизации, стигматизации и дискриминации с помощью «слова» и акцент на новейших социокультурных трендах и социально-психологических нюансах формирования языкового ландшафта эпохи глобализации и мультилингвизма.

Язык как инструмент социальной категоризации и формирования стереотипов рассматривается в статье психологов из Амстердамского свободного университета (Нидерланды) Кристиана Бургерса и Камила Бейкебома [Burgers, Beukeboom, 2020] и в эмпирическом исследовании их коллег из Университета им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге (ФРГ) Сюзанны Брукмюллер и Майке Браун [Bruckmüller, Braun, 2020]. Бургерса и Бейкебома интересует феномен стереотипизации в контексте меж-

личностной коммуникации с использованием таких языковых средств, как ярлыки и дескрипторы поведенческой компетентности, содержащие отрицание («не глуп» вместо «неумен»; «не умен» вместо «неглуп»). Эти языковые средства оцениваются как элементы восприятия и описания (но не оценки) поведения незнакомых социальных (аут)групп. Исследование голландских психологов базируется на результатах социально-психологического эксперимента, в котором были использованы следующие переменные: а) тип ярлыка для описания поведенческой компетентности группы и/или индивида – специфический («этот физик неумен») либо дженерик (обобщенное, родовое, собирательное обозначение поведения как типового: «физики – умные люди»); б) тип дескриптора – утверждение либо отрицание тех или иных поведенческих характеристик группы и/или индивида. Теоретической базой эмпирического проекта Бургерса и Бейкебома послужила разработанная ими коммуникативная модель социальных категорий и стереотипов (Social categories and stereotype communication framework, SCSC) [Beukeboom, Burgers, 2019]. Эта модель предлагает комплексный подход к осмыслению и анализу языковых тенденций (склонностей, пристрастий), характерных для поведенческих дескрипций аутгрупп, и связей этих тенденций с базовыми социально-когнитивными переменными. Последние включают: а) перцептивную объективность (реальность) существования описываемой социальной категории / группы; б) содержание стереотипа; в) эссенциализм описываемого поведения и его характерных особенностей. Модель SCSC, поясняют свою позицию голландские психологи, «способствует изучению совокупных эффектов воздействия различных языковых склонностей / тенденций на процессы трансляции стереотипов в ходе коммуникации» [Burgers, Beukeboom, 2020, p. 439].

Развивая тему «язык и стереотипы», авторы подробно характеризуют перечисленные социально-когнитивные переменные. Стереотипы часто называют застывшими впечатлениями, поскольку считается, что ассоциированные с ними черты и особенности приложимы ко всем членам соответствующей социальной категории / группы и сохраняют ситуативную и временную стабильность. С учетом сказанного объективность существования социальной категории (точнее, восприятие ее как объективно существующей)

означает степень ее перцепции в качестве обладающей значением и смыслом целостной группы – в противовес случайной совокупности индивидов. Другими словами, эта переменная характеризует перцептивную групповую общность социальной категории (groupness) и тождество тех или иных типических черт ее членов. Groupness может иметь наглядное (физическое) выражение либо основываться на общности целей, исторического прошлого и т.п. Содержание стереотипа (его контент) – это содержание когнитивных представлений, которых придерживаются люди применительно к конкретной социальной категории; оно состоит из верований и ожиданий, связанных с поведением тех, кто входит в данную группу / категорию. И наконец, эссенциализм указывает на степень, в которой ассоциированный с той ли иной группой набор характеристик воспринимается в качестве неизменного во времени и пространстве применительно ко всем ее членам. Эссенциализм отражает степень восприятия реципиентами содержания стереотипа как фундаментального атрибута всех членов группы, объединенных в категорию, в противовес адаптивным и преходящим типовым характеристикам. Кроме того, модель SCSC объясняет, каким образом варианты наименования с помощью ярлыков и типы поведенческих дескрипторов приобретают ключевую роль в сообщении социальным категориям общезначимого характера [Burgers, Beukeboom, 2020, p. 440–441].

Как показывают эмпирические исследования, ярлыки обобщающего типа, которые указывают на категорию в целом («все физики»), имеют первостепенное значение для трансляции стереотипов путем коммуникации; специфические ярлыки характеризуют субгруппы («молодые физики») или конкретного субъекта, входящего в группу («этот физик»). Предыдущие исследования в этом направлении (при участии одного из авторов настоящей статьи) свидетельствуют о том, что дженерики (в отличие от специфических ярлыков) не только способствуют коммуникативному тиражированию стереотипов, но и повышают перцептивную объективность существования категории / группы [Beukeboom, Finkenauer, Wigboldus, 2010]. Другой аспект темы «стереотипизации словом» связан с выбором в пользу тех или иных языковых приемов для описания поведения людей, что имеет самое непосредственное отношение к перцептивному эссенциализму социальной

категории. Как правило, перцепция, противоречащая сложившемуся стереотипу («этот физик имеет низкий показатель IQ»), воспринимается как одномоментная характеристика члена группы, обусловленная стечением обстоятельств; в подобных случаях чаще всего используют негативные дескрипторы компетентности («этот физик неумен» – вместо «глуп»). Такая формулировка подразумевает, что описываемое событие имеет низкую степень эссенциализма. При описании компетентного поведения, укладывающегося в стереотип («физики – люди с высоким уровнем IQ»), обычно прибегают к позитивной формулировке, что предполагает временную и ситуативную устойчивость описываемого феномена, т.е. достаточный уровень его перцептивного эссенциализма. Следовательно, замечают голландские психологи, связь между стереотипами и ярлыками, запечатленными в языке, носит двусторонний характер: стереотип находит выражение в «слове»; «слово», в свою очередь, поддерживает социально-категориальный стереотип среди адресатов транслируемого сообщения [Burgers, Beukeboom, 2020, p. 439].

С учетом сказанного авторы формулируют задачу своего экспериментального исследования как «выявление потенциальных взаимосвязей между дженериками и негативными дескрипторами (как разными способами описания поведенческой компетентности) и их кумулятивного воздействия на формирование у реципиентов новых социально-категориальных перцепций» в их тройном социокогнитивном измерении [ibid., p. 440]. В эмпирическом проекте верификации подлежали следующие гипотезы:

– обобщающие ярлыки (по сравнению со специфическими наименованиями) оказывают более глубокое воздействие на перцептивную объективность социальной категории / группы;

– отрицательные дескрипторы поведенческой компетентности (по сравнению с утвердительными) приводят, во-первых, к негативному восприятию содержания стереотипа и, во-вторых, к более высокой степени перцептивного эссенциализма поведенческой некомпетентности;

– отрицательные дескрипторы поведенческой некомпетентности (по сравнению с утвердительными) приводят, во-первых, к позитивному восприятию содержания стереотипа и, во-вторых, к

более высокой степени перцептивного эссенциализма компетентного поведения.

В конечном счете, резюмируют свою задачу Бургерс и Бейкебом, «в соответствии с моделью SCSC, мы утверждаем, что как лингвистические варианты наименования, так и разновидности описания компетентности поведения вносят свой вклад в формирование социально-категориальных стереотипов»; вопрос состоит в том, способны ли эти языковые приемы усиливать воздействие друг на друга [Burgers, Veukeboom, 2020, p. 443].

В эксперименте приняли участие 423 добровольца, владеющие нидерландским языком (4–26 ноября 2015 г.; 57,7% составляли мужчины, средний возраст 49 лет, образование не ниже бакалавриата) [ibid., p. 444]. Участники должны были представить себя в роли новых сотрудников фирмы, где все служащие объединены в команды и работают в разных помещениях. Испытуемым надлежало составить свое мнение о той или иной команде (аутгруппа) на основании спонтанных высказываний членов своей команды. Каждому были предложены для прослушивания восемь идентичных диалогов между сослуживцами из своей команды (характеристики поведенческой компетентности «чужаков» – четыре негативные, четыре позитивные, сочетание дженериков и специфических ярлыков варьировалось). По окончании процедуры следовало составить собственный рейтинг социально-когнитивных переменных, использовавшихся в диалогах, оценив их по семибалльной шкале. Результаты эксперимента подтвердили обоснованность авторских гипотез. Как и предполагалось, позитивные обобщающие ярлыки повышали перцептивную объективность социальной категории – восприятие ее как реального целостного объединения с определенным набором устойчивых характеристик, отвечающих социальным ожиданиям (стереотипам). Отрицательные дескрипторы (по сравнению с утверждающими ярлыками любого рода) снижали уровень воспринятой реципиентами поведенческой компетентности группы и увеличивали степень эссенциализма некомпетентного поведения; при этом все разновидности языковых средств категоризации и стереотипизации функционировали параллельно и независимо друг от друга, демонстрируя свои самостоятельные функции в процессе формирования социальных категорий и стереотипов.

Обсуждение темы «язык и стереотипы» продолжают С. Брукмюллер и М. Браун, которые обращаются к проблеме трансляции в языке гендерного неравенства и дискриминации женщин, претендующих на ведущие позиции в профессиональной сфере [Bruckmüller, Braun, 2020]. Немецкие психологи предлагают не вполне обычный подход к обозначенной теме, а именно – анализ использования метафор как языковых средств описания, формирования и обсуждения профессиональной дискриминации представительниц слабого пола, «делающих карьеру». Авторы обращают внимание на тот не слишком очевидный факт, что при обсуждении темы гендерной асимметрии в обществе, включая неравные шансы мужчин и женщин занять руководящую должность, разговор, как правило, «фокусируется на женщинах, но не на мужчинах» [ibid., p. 458].

Социальные образы гендерного неравенства формируются и тиражируются преимущественно как представления о неравноправии женщин, которые вынуждены преодолевать препятствия на пути к карьерным вершинам, неведомые мужчинам. Альтернативный вариант осмысления гендерной асимметрии, сфокусированный на преимуществах, которые доступны исключительно мужчинам, практически не фигурирует в современном социальном дискурсе. Как поясняют Брукмюллер и Браун, опасность такой дискурсивной тенденции состоит в том, что тема гендерного неравенства и женской / мужской дискриминации / приоритета целиком и полностью переносится в плоскость мужской и женской «природы», тогда как социоструктурные причины происходящего как социальной константы остаются в тени. Соответственно и меры, которые могли бы изменить положение вещей в XXI столетии и способствовать преодолению общественных и системных барьеров на пути действительной эмансипации женщин, ограничиваются рекомендациями, так или иначе сконцентрированными на женщинах (предоставить им больше возможностей для интеллектуального и духовного развития, освободить от домашней рутины и т.п.).

Примечательно, что указанные трактовки гендерного неравенства находят специфическое преломление в метафорах повседневного и научного языков описания этой темы. Так, с 1984 г. широкое хождение приобрела метафора «стеклянного потолка», обозначающая неформальные (невидимые) барьеры, которые бло-

кируют продвижение по службе квалифицированных индивидов вследствие их принадлежности к дискриминируемым социальным группам. В первую очередь метафора стеклянного потолка относится к представительницам слабого пола, в отношении которых актуален негласный социальный запрет на лидирующее положение в профессии и занятие руководящих должностей. Между тем сопоставимых по частоте употребления метафор, ориентированных на мужские карьерные преимущества, обнаружить не удастся. Немецкие психологи в рамках своего эмпирического проекта намереваются отчасти исправить это упущение публичного дискурса и предлагают метафору «мужского клуба» в качестве описания карьерных преимуществ сильного пола, который превращает решение профессиональных задач в заседание завсегдатаев подобных клубов [Bruckmüller, Braun, 2020].

Суть эмпирического исследования Брукмюллер и Браун заключается в сопоставлении социальных последствий, которые вытекают из дискурсивной практики «описания гендерного неравенства как сфокусированного либо на женщинах, либо на мужчинах», конкретнее – с выяснением, каковы последствия названных типов языковых дескрипций для выработки практического мер и рекомендаций в вопросе гендерной дискриминации в профессиональной сфере. Авторы формулируют ряд гипотез, которые подлежали эмпирической проверке в рамках проекта. Первая из них касается описаний гендерного неравенства посредством метафор, которые, предположительно, побуждают людей к более глубокому, взвешенному и вдумчивому отношению к проблеме в целом (по сравнению с теми, кто обходится в своих дескрипциях без красочных аналогий). Метафоры, замечают немецкие психологи, это «не просто креативные фигуры речи; они обладают способностью формировать понимание сложных социальных феноменов и ответные реакции на них» [ibid., p. 458]. Помимо упомянутой метафоры стеклянного потолка, авторы используют в своем исследовании образ лабиринта – для описания запутанного пути к вершинам карьеры, изобилующего зигзагами, поворотами и тупиками, которые характерны только для слабого пола и неведомы сильному. Для описания мужской специфики карьерного «движения вверх» Брукмюллер и Браун применяли собственную метафору мужского клуба.

Фокусом следующей гипотезы стало сравнение дескрипций, сосредоточенных соответственно на женском либо мужском прочтении неравенства. Ее основанием послужило предположение, что дескрипции, сфокусированные на женщинах, по преимуществу связаны с перспективой «внутренних» (но не системных) возможностей для решения проблемы гендерной дискриминации, т.е. с рекомендациями, которые так или иначе замыкаются на женской (но не мужской) природе и способах ее социальной адаптации. Кроме того, ожидалось, что подобные сравнения косвенным образом подтвердят доминирующую нормативность «мужского», сохраняющуюся в современном обществе [Bruckmüller, Braun, 2020, p. 460]. В соответствии с этими посылками, вторая гипотеза состоит в утверждении, что дескрипции неравенства, сфокусированные на женщинах, влекут за собой такие предложения по изменению status quo, которые не затрагивают «внешних» – социоструктурных – аспектов проблемы, а также действующих стереотипов и традиционных социальных представлений.

Конкретизируя эту гипотезу, авторы высказали еще одно предположение, а именно – что женский «уклон» социальных рецептов по искоренению профессиональной дискриминации по признаку пола будет более очевиден в тех случаях, когда фокусом описания гендерной асимметрии будут мужчины (или мужские преимущества). Точно так же сторонники описаний, сфокусированных на женщинах (в отличие от тех, кто предпочтет мужской фокус), будут более склонны согласиться с таким решением проблемы, которое ассоциируется с женской «природой» [ibid., p. 460–461]. Таким образом, в ходе эксперимента варьировались женский и мужской фокусы описания феномена гендерного неравенства, а также употребление метафор и отказ от них в языковых описаниях проблемы.

Эксперимент Брукмюллер и Браун состоял из двух этапов, отличавшихся прежде всего количеством участников (2013 г. – 228 человек, из них 110 женщин, средний возраст 44 года; 2015 г. – 495 человек, из них 274 женщины, средний возраст 50 лет). Респонденты рекрутировались с помощью профессиональных (преимущественно психологических) веб-сайтов [ibid., p. 462]. Сценарий эксперимента в обоих случаях состоял в следующем. Испытуемым предлагался текст, который был сфокусирован либо на женском,

либо на мужском прочтении темы гендерного неравенства в профессиональном контексте и содержал либо не содержал перечисленные выше метафоры. В первом варианте эксперимента тексты имели конкретный заголовок («Женщины до сих пор недостаточно представлены на позициях лидеров»), во втором название текстов было нейтральным («Мужчины и женщины на рабочем месте»). Ознакомившись с текстом, респонденты должны были описать свои чувства и мысли в связи с прочитанным и оценить ситуацию гендерного неравенства в профессиональной сфере по пятибалльной шкале (от «крайне важно» до «безразлично»). Затем участникам предлагалось дать собственное толкование проблемы гендерной асимметрии на рабочем месте, выразив согласие / несогласие с предложенными в тексте рекомендациями практического характера (шесть внешних вариантов решения проблемы, ориентирующих на социальные изменения системы; шесть внутренних, отсылающих к женской природе). В заключение респонденты могли изложить в свободной форме свое мнение о том, какие меры могут улучшить ситуацию с гендерным неравенством (возможность изменения status quo, необходимость изменений, их вероятность, целесообразность и т.п.).

Подводя итоги своей работы, немецкие психологи констатируют, что «смена фокуса сравнения в описаниях гендерного неравенства оказалась достаточным основанием для формирования тех или иных объяснений всей ситуации и предложений по ее улучшению» [Bruckmüller, Braun, 2020, p. 469]. Объяснения и предложения респондентов оказались напрямую связаны с одним из двух способов «кадрирования проблемы» (как сфокусированной на женщинах либо на мужчинах, т.е. на социально дискриминируемой либо на социально доминирующей группе). Как это ни парадоксально, употребление метафор как красочных дискурсивных средств не влияло на конечные дескрипции гендерной асимметрии и содержание рекомендаций, даваемых респондентами. Женский «фокус» чаще всего приводил к решениям, «сфокусированным на женщинах», в отличие от мужского, который, как правило, служил предпосылкой для социоструктурного осмысления проблемы в целом. Таким образом, резюмируют свои выводы С. Брукмюллер и М. Браун, как и ожидалось, традиционная сфокусированность социальных представлений на дискриминируемой социальной груп-

пе (женщины) в тенденции приводит к игнорированию макро-структурных измерений проблемы гендерного неравенства в профессиональной сфере и необходимости системных изменений. Что же касается метафор как языковых средств описания и сравнения социальных феноменов, то их употребление в любом случае придает остроту и выпуклость проблемам, которые стоят на повестке дня [Bruckmüller, Braun, 2020, p. 471].

Язык как аспект интерсекциональности и формирования комплексных идентичностей рассматривается в статье британского психолога Тамары Ракич и ее коллег из ФРГ Мелани Штеффенс (Университет Кобленца-Ландау) и Алены Сазагер (Университетская клиника Гамбург-Эппендорф) [Rakić, Steffens, Szager, 2020]. В центре внимания авторов – сравнительный анализ функций разговорного языка (иностранный акцент) и религиозной атрибутики (ношение хиджаба) в конституировании представлений об этнической идентичности и социальной категоризации ее индивидуальных носителей в качестве членов ин/аутгруппы. Предметом эмпирического исследования здесь являются процессы категоризации и стереотипизации (в терминах этничности) таких индивидов, которые не укладываются в рамки существующих устойчивых представлений (женщина в Германии носит хиджаб, но говорит по-немецки без арабского акцента, либо наоборот – присутствует ярко выраженный арабский акцент, но отсутствует хиджаб). В качестве объекта социальной категоризации в контексте интерсекциональности (этничность–религия–язык) выступали женщины (в хиджабе или без него), которые говорили по-немецки (с акцентом или без него); анализу подлежала специфика классификации и категоризации в таких ситуациях, когда ее объекты находятся в очевидном противоречии с содержанием традиционного стереотипа (арабская женщина в хиджабе, говорящая по-немецки с акцентом) либо соответствует ему лишь частично (хиджаб есть, акцента нет либо наоборот). Ракич и ее коллег интересуют два вопроса: во-первых, как происходит категоризация в таких «контрстереотипных» условиях и, во-вторых, в какой мере индивиды, чья комплексная идентичность не отвечает социальным ожиданиям, обладают конкретным «лицом» в восприятии реципиентов. Речь идет о том, сохраняются ли в памяти реципиентов личностные особенности и индивидуальные характеристики тех, чей образ не укладыва-

ется в стереотип, или такие «диссиденты» просто квалифицируются как безликие представители аутгрупп. Таким образом, в ходе эксперимента предполагалось выяснить степень устойчивости категориальной памяти испытуемых применительно к разным контекстам этнической категоризации по трем параметрам: акцент, религия, принадлежность к ин/аутгруппе [Rakić, Steffens, Szager, 2020, p. 476–477].

Авторы подчеркивают, что социальная категоризация и формирование стереотипов – это классические темы исследования в социальной психологии; фокусом обсуждения в этом случае обычно выступает выбор оснований для предпочтительного отношения того или иного индивида к конкретной категории, притом что его идентичность включает сразу несколько измерений. Тем не менее существуют базовые социально значимые категории (так называемая *большая тройка*), которые охраняют свою значимость в любых обстоятельствах; это гендер, возраст и этничность. Как показали недавние эмпирические исследования, языку (акценту) принадлежит более важная функция в процессе этнической категоризации и стереотипизации, чем визуальным атрибутам, свидетельствующим о национальной либо религиозной принадлежности человека [Hugenberg, Wilson, 2013]. Как замечает в этой связи Т. Ракич (со ссылкой на свою собственную работу), «язык – это лучшее средство репрезентации этничности по сравнению с типичной внешностью: если присутствуют обе модальности, люди в ходе этнической категоризации склонны руководствоваться скорее наличием акцента, чем внешним видом человека» [Rakić, Steffens, Mummendey, 2011]. Этот факт лишний раз подтверждает справедливость тезиса о сложном, нелинейном характере социальных категорий и способов их активации в процессе восприятия [Rakić, Steffens, Szager, 2020, p. 477–478].

Переходя к обсуждению целей своего эмпирического проекта, авторы подчеркивают, что базовые социальные категории и сопряженные с ними стереотипы восприятия и социальные ожидания могут находиться в отношениях сложной взаимной связи и взаимообусловленности (например, этничность часто ассоциируется с определенной религией – арабские мусульмане). В контексте интерсекциональности (взаимопересечения) таких социальных категорий особый интерес представляют индивиды, принадлеж-

ность которых ко всем категориям одновременно является «прототипической» (женщина в хиджабе, говорящая с арабским акцентом; типичная жительница Германии с чистым немецким произношением и без всякого хиджаба на голове). В связи с этим цель исследования состояла в осмыслении результатов «акцентно-этнорелигиозной кросс-категоризации, сфокусированной на прототипичности объектов анализа, с тем чтобы выяснить, является ли акцент (как базис этничности) и религиозная идентификация (хиджаб и его отсутствие) изолированными либо параллельными основаниями для категоризации объекта и сохранения в памяти реципиентов его индивидуализированного облика» [Rakić, Steffens, Szager, 2020, p. 477].

Ракич и ее соавторы замечают, что до недавнего времени разговорный язык оставался на периферии социального анализа; между тем, как показали работы специалистов в области этнолингвистики, особенности разговорного языка служат ключом к осмыслению феномена этничности в целом. Поэтому акцент (как аспект разговорной речи) является отправной точкой эмпирической работы Ракич, Штеффенс и Сазегер. Другой важнейший ее аспект касается интерсекциональности категорий, которые в совокупности определяют комплексную идентичность индивидов и групп (так, поляк обычно воспринимается как католик, хотя существуют, например, польские татары, для которых принадлежность к исламу служит базовой составляющей их идентичности в качестве польских татар). Корреляции между категориями имеют первостепенное значение не только для формирования индивидуальной, личностной идентичности, но и для восприятия и категоризации этой идентичности внешними реципиентами. «Поэтому так важен в данном случае “прототип”, или идеально-типический представитель той или иной категории, как наилучшая репрезентация конкретной идентичности в конкретном контексте» [ibid., p. 479].

Как уже говорилось, объектом исследования Ракич и ее коллег послужили процессы социального восприятия и категоризации женщин в немецкоговорящей среде на основе их этничности (арабский акцент / правильное немецкое произношение) и религии (хиджаб / его отсутствие). В проекте приняли участие 38 добровольцев (из них 19 мужчин, средний возраст 23 года), проживавших в небольшом университетском городке Германии, для кото-

рых немецкий язык являлся родным. Этнические меньшинства составляли очень небольшой процент обитателей городка; исследование проводилось до того, как вопрос о ношении хиджаба привлек внимание европейских СМИ. Теоретической базой проекта послужила модель «Кто что сказал?» (Who says what? – WSW) [Categorical and contextual bases ..., 1978], которая была адаптирована для целей данного проекта. В частности, Ракич и ее коллеги внесли методологические коррективы, которые позволили дифференцировать осознанную категоризацию и случайные догадки, касающиеся ассоциаций между переменными, задействованными в эксперименте. В соответствии с моделью WSW, участникам предстояло ознакомиться с видеозаписями бесед на тему университетской жизни между женщинами, которые говорили с акцентом либо без него и носили или не носили хиджаб (среди собеседниц были и такие, которые без хиджаба говорили с акцентом либо, наоборот, демонстрировали чистое немецкое произношение и покрывали голову хиджабом). Затем участникам было предложено соотнести отдельные реплики из аудиозаписей все тех же бесед (уже без видеоряда) с фотографиями собеседниц и определить по памяти, кто из них что сказал (who says what). Гипотеза авторов проекта сводится к утверждению, что реципиенты лучше запомнят индивидуальный облик «прототипических» собеседниц, отвечающих стереотипу и социальным ожиданиям (мусульманка в хиджабе, говорящая с арабским акцентом / немка без хиджаба с чистым произношением), тогда как индивидуализация обладательниц сложной идентичности, в особенности тех, кто представляет аутгруппы (немки в хиджабе / мусульманки с чистым произношением) будет близка к нулевой [Rakić, Steffens, Szager, 2020, p. 479].

Анализ результатов показал, что, как и предполагалось, респонденты лучше всего запомнили индивидуальные черты тех собеседниц, чей облик и разговорная речь поддавались стереотипной категоризации. На этом фоне чаще запоминались конкретные высказывания и индивидуальные черты прототипических представительниц ингруппы (немки), а также тех женщин, которые носили хиджаб, но говорили без акцента. Наихудшие результаты индивидуализации по памяти касались такой социальной категории, как мусульманки без хиджаба, говорившие с акцентом (т.е. тех, кто абсолютно не соответствовал ожиданиям и стереотипу). Таким

образом, стереотипная категоризация индивидов с «простой» идентичностью, принадлежащих к ингруппе, ассоциировалась с самым высоким показателем индивидуализации и запоминания. Кроме того, этническое (акцент) и религиозное (хиджаб) измерения индивидуализации, зафиксированной в памяти реципиентов, оказались для них сопоставимы по своей информативной значимости: реципиенты расценивали их как «две стороны одной медали». В конечном счете «и индивидуальная память, и категоризация являлись результатом интересекциональности двух категорий – этничности (акцент) и религии, но не следствием доминирования какой-либо из них», – пишут в заключение Т. Ракич, М. Штеффенс и А. Сазегер [ibid., p. 487].

Группа психологов из Варшавского университета (Польша) Михал Билевич, Магдалена Скродзка, Каролина Хансен и Юстина Олко обращаются к анализу языка как фактора межгрупповых отношений в ситуации исторической (культурной) травмы и посттравматического опыта этнических сообществ, переживших геноцид, дискриминацию и насильственную ассимиляцию [The twofold role of minority language .., 2020]. Материалом для эмпирического исследования авторов послужила история лемковского народа¹ в ее социолингвистическом измерении. В своей работе польские психологи руководствовались тезисом о том, что травмирующий

¹ Лёмки (лёмковский народ, русины, руснаки) – восточнославянское население Лёмковщины (горная область на границе Украины, Польши и Словакии); обычно рассматриваются в качестве субэтнической группы украинцев. В Польше в соответствии с законом 2005 г. лемки признаны этническим меньшинством. Родной язык – лемковский, однако разговорными являются также украинский и польский. В 2011 г. на территории Польши проживало 10 тыс. лемков, притом что, согласно переписи населения, около 60 тыс. человек идентифицировали себя в качестве представителей лемковского (русинского) народа. Украинские лемки считают себя частью украинского народа (в 2001 г. на территории Украины лемками признали себя 672 человека). В Словакии, где, по разным данным, насчитывается от 70 тыс. до 120 тыс. лемков, последние относят себя к русинам, украинцам либо словакам. Таким образом, для лемков характерен дуализм самоидентификации и би/мультилингвизм. Лемки, которые сегодня проживают в Польше, делятся на две группы, в зависимости от представлений о своей этничности. Первая группа (в основном потомки лемков, переселенных из Польши на Украину в 1945 г.) считают себя частью украинского народа и используют лемковский говор украинского языка; вторая группа идентифицирует себя в качестве отдельного народа (или части русинского народа) и предпочитает лемковский (*лёмковскій*) язык.

этнокультурный исторический опыт имеет самые серьезные социально-психологические последствия не только для его непосредственных участников и свидетелей, но и для их отдаленных потомков. М. Билевич описывает этот эффект замедленного действия с помощью метафоры «длинной тени» [The twofold role of minority language ..., 2020, p. 553].

Обращаясь к общеизвестным историческим примерам травматического группового опыта этнических сообществ, авторы подчеркивают, что в результате насильственной ассимиляции, утраты языка и территории проживания, уничтожения материального культурного наследия «многие этнические группы теряют свою идентичность, которая служит ключевым фактором социально-психологической защиты» [ibid., p. 552]. Связь психологических последствий исторической травмы и опыта этнической дискриминации находит свое концептуальное отражение в понятии «историческая травма», продолжают Билевич и его коллеги. Под исторической травмой имеется в виду сложная межпоколенческая форма посттравматических расстройств – как кумулятивный эффект колонизации, дискриминации и насильственной ассимиляции [Brave Heart-Jordan, 2003]. Как показывают недавние исследования, отзвуками исторической травмы этнической группы могут считаться высокие показатели домашнего насилия, суицидов и преступлений сексуального характера среди представителей третьего-четвертого поколений потомков очевидцев [Burnette, 2016]. В работах социальных психологов и специалистов в области клинической психологии в последнее время все чаще говорится о необходимости пристального внимания общественных и правительственных организаций к этническим сообществам, переживающим посттравматический синдром как следствие негативного культурно-исторического опыта. Именно эта идея послужила отправным пунктом эмпирического исследования Билевича и его коллег, которые переместили ее в плоскость социальной психологии языка.

Польские психологи выдвигают гипотезу о двойственной роли родного языка дискриминированных в прошлом этнических меньшинств, согласно которой именно язык является тем «щитом», который ограждает его носителей от травматического опыта прошлого, и вместе с тем именно употребление родного языка

может усугубить исходную историческую травму. Как утверждают создатели теории посттравматического стрессового расстройства, эмоциональное раскрытие и групповая сплоченность снижают остроту психологических последствий перенесенной коллективной травмы и воспоминаний о ней [Woodhouse, Brown, Ayers, 2018]. Одним из средств эмоционального раскрепощения и групповой вовлеченности в коллективный опыт прошлого и настоящего служит разговорный язык. Следовательно, заключают авторы статьи, можно ожидать, что широкое хождение родного языка в среде этнического меньшинства будет способствовать «исцелению» от травм прошлого и сплочению вокруг исходной этничности. Вместе с тем родной язык способен пробуждать воспоминания об утраченном национальном статусе и травмирующих фактах прошлого, т.е. усугублять исходный травматический опыт, облегчая его «когнитивную доступность» в ходе ингрупповой коммуникации [The twofold role of minority language ..., 2020, p. 552–553].

Таким образом, резюмируют свою позицию Билевич и его коллеги, можно утверждать, что бывший под запретом родной язык этнического меньшинства, пережившего историческую травму, имеет двойственную функцию в социально-психологической реабилитации и адаптации новых поколений: а) служит «фактором риска» в трансляции негативного опыта прошлого, активируя историческую память в ходе повседневной ингрупповой коммуникации; б) является «охранным щитом» в настоящем, обеспечивая культурную преемственность поколений и снижая интенсивность исторической травмы для потомков. В своем эмпирическом проекте авторы намерены «проследить парадоксальный эффект жизненной силы языка» в отношении травмирующего исторического прошлого на примере полной драматизма судьбы польских лемков [ibid., p. 554].

В статье приводится краткая историческая справка о депортации лемковского меньшинства в Польшу в ходе операции «Висла»¹. По мнению польских историков и психологов, следствием

¹ Операция «Висла» проводилась в Польше весной-летом 1947 г., когда силами Войска Польского из юго-восточных районов страны (традиционных мест расселения лемков) было депортировано смешанное польско-украинское и русинское население, насильственно перемещенное в западные районы, которые до Второй мировой войны относились к Германии. Формальным поводом для де-

насильственного переселения лемковского меньшинства является доминирование в их коллективной идентичности чувства исторической виктимизации [Misiak, 2018]; потеря своего «отечества» означала для этнического сообщества лемков утрату «традиционной ассоциации между Лемковщиной и этнической идентичностью» [The twofold role of minority language ..., 2020, p. 554]. Территориальная разобщенность и насильственная ассимиляция лемков сохранялась как тенденция на протяжении всех лет существования ПНР, что привело в том числе к сокращению численности говорящих на лемковском языке потомков вынужденных переселенцев и к нарушению исторической трансляции идентичности и культуры в рамках их этнического сообщества, констатируют Билевич и его соавторы. Сегодня на территории Лемковщины родной язык этнического меньшинства преподают в средней школе в качестве дополнительного, возродились некоторые периодические издания на лемковском языке, проводятся культурные мероприятия и т.п. Таким образом, язык по-прежнему функционирует внутри сообщества как один из ключевых факторов сохранения и трансляции его этнической идентичности [ibid., p. 555]. Руководствуясь этими фактами, польские психологи видят свою задачу в том, чтобы проследить реальное участие родного языка лемковского меньшинства в межпоколенной трансмиссии этнической, культурной и исторической травмы и его роль как способа социально-психологической реабилитации потомков вынужденных переселенцев и очевидцев операции «Висла».

В эмпирическом проекте авторов участвовали 237 добровольцев из числа лемков, проживающих сегодня на территории Польши. Участникам были предложены вопросы, которые задавались в процессе непосредственной беседы; язык общения (лемковский или польский) респонденты выбирали самостоятельно (только 24% из них предпочли беседовать на родном языке этнического меньшинства). Средний возраст участников – 42 года (к опросу

портации непольского населения послужила необходимость ликвидировать социальную, мобилизационную и хозяйственную базу украинских националистов (УПА и ОУН (б)). С апреля по июль 1947 г. на запад было выселено более 138 тыс. человек, причем компактность проживания семей депортированных не допускалась. В 1990 г. парламент страны осудил действия по депортации непольского населения в ходе операции «Висла».

привлекались только те, кто родился после 1947 г.); 55% опрошенных составляли женщины. Вопросы, предложенные участникам проекта, касались повседневных практик использования лемковского языка (в быту, на работе, в процессе общения с родными и соседями), а также размышлений по поводу исторической судьбы лемков (как часто Вы вспоминаете об этом; как часто обсуждаете эту тему в разговорах с друзьями, родными, коллегами; какое значение историческая драма лемков имеет для Вас лично?). В ходе опроса респондентам было предложено описать поведенческие и эмоциональные аспекты своего восприятия исторической травмы лемковского меньшинства (что Вы чувствуете, когда говорят об операции «Висла»; касаетесь ли Вы этой темы в беседах с членами сообщества; избегаете ли Вы посещения тех мест, которые могут напомнить о коллективном прошлом; испытываете ли Вы недоверие к этническим аутгруппам; переживаете ли Вы сильные эмоции в связи с трагедией своего народа?). Ответы респондентов были распределены в соответствии с оценочными шкалами, с тем чтобы выявить степень когнитивной доступности исторической травмы посредством обсуждения ее на родном языке, а также значение последнего для возрождения этнической идентичности и чувства ингрупповой вовлеченности в судьбы своего сообщества.

Анализ полученных результатов подтвердил справедливость гипотезы Билевича, Скродзкой, Хансен и Олко о двойственной социально-психологической функции употребления родного языка этнического меньшинства в контексте переживания исторической травмы и ее последствий. С одной стороны, предпочтение частью респондентов родного языка при обсуждении травматических событий прошлого повышало уровень когнитивной доступности исторической травмы в повседневной коммуникации и, как следствие, усугубляло их психологическую нестабильность (респонденты избегали упоминаний о событиях коллективной истории лемков, демонстрировали недоверие к аутгруппам, испытывали гнев и чувство глубокого сожаления). С другой стороны, именно для этой части респондентов (независимо от их возраста) были более характерны интерес к родной истории и культуре и стремление к ингрупповой сплоченности (по сравнению с теми опрошенными, кто не так хорошо владел родным языком). Для этой же группы участников проекта в большей мере, чем для прочих респондентов, бы-

ли характерны признаки психического нездоровья и дистресса, связанных с «утратой национального статуса». Таким образом, пишут в заключение польские психологи, проделанная эмпирическая работа вносит существенный вклад в этнолингвистику и социальную психологию языка, демонстрируя процесс функционирования родного языка в качестве «буфера, который препятствует распространению и углублению поведенческих и эмоциональных симптомов исторической травмы» [The twofold role of minority language ..., 2020, p. 561].

Подборку статей в тематическом выпуске JLSP завершают комментарии специалиста в области коммуникаций из Аризонского университета (г. Тусон, США) Маргарет Питтс [Pitts, 2020]. Питтс предлагает переосмыслить проблемы языкового ландшафта в эпоху глобализации в более оптимистическом ключе, сосредоточившись не на вызовах XXI столетия со стороны новых лингвистических и коммуникативных трендов, а на тех перспективах и возможностях, которые эти тренды открывают перед человечеством. По мнению американской исследовательницы коммуникаций, нарастающее глобальное разнообразие современного мира и пересечение в нем лингвистических потоков можно (и нужно) рассматривать и оценивать не только в контексте вероятных угроз и осложнений, но и в терминах новых захватывающих горизонтов. Публикации в JLSP обнаруживают методологическое многообразие и подлинную междисциплинарность осмысления темы языка и его социального функционирования в современную эпоху, замечает автор. Однако общая тональность публикаций скорее негативно-тревожная, чем позитивно-обещающая. Эта тональность отражает доминирующую в социальном знании рубежа XX–XXI вв. стойкую тенденцию к прочтению социальных феноменов как патологических и проблемных. Исследователи сосредоточиваются на том, «что не так» в социальной реальности, и предлагают рецепты излечения общества. Между тем вполне логично было бы дополнить этот трагический ракурс выяснением того, «что в нашей жизни обстоит так, как надо» [ibid., p. 568]. Этот аспект анализа является главным в рамках позитивной социальной науки, включая позитивную психологию и позитивную коммуникацию [Positive communication in health and wellness, 2013; Seligman, Csikszentmihalyi, 2000].

Позитивная социальная наука – это наука о человеческом процветании и благополучии, подчеркивает Питтс. С позиций этой науки языковые вызовы XXI столетия должны рассматриваться под углом зрения скрытого в них плодотворного потенциала для будущего человечества в глобальном мире. С учетом сказанного автор предлагает свою интерпретацию лингвистических трендов современности, о которых шла речь в публикациях специального выпуска JLSP, следуя предложенной его редакторами тематической классификации статей (стереотипы; сложные идентичности; межгрупповые отношения).

К. Бургерс и К. Бейкебом выявили ряд деструктивных социально-психологических функций обобщающих и специфических ярлыков, а также негативных дескрипций, которые способствуют сохранению существующих дискриминационных стереотипов и возникновению новых [Burgers, Veukeboom, 2020]. К пессимистическим выводам приходят также С. Брукмюллер и М. Браун, которые выявили неблагоприятную роль языковых склонностей и привычек, тиражирующих представления и метафоры гендерного неравенства [Bruckmüller, Braun, 2020]. Смена фокуса на более жизнеутверждающий могла бы привлечь внимание аналитиков к иным свойствам социально-лингвистической коммуникации, в том числе – к «микроутверждающим фигурам речи в повседневном дискурсе», замечает Питтс. Будущие исследования в этом направлении должны сосредоточиться на изучении и «пропаганде микроутверждающей культуры в качестве интенциональной практики» [Pitts, 2020, p. 569].

Применительно к проблеме интерсекциональности языка и социальной идентичности, которую обсуждают Т. Ракич и ее соавторы [Rakić, Steffens, Szager, 2020], автор заключительного эссе предлагает прибегнуть к смене акцентов и отдать предпочтение осмыслению языкового разнообразия и взаимопересечения категорий в качестве многообещающей лингвистической практики наших дней. Такая практика требует тщательной рефлексии как со стороны ее участников, так и тех, кто занимается ее профессиональным анализом. Питтс призывает своих коллег научиться «смаковать вкус» лингвистической пестроты комплексных идентичностей в глобальном мире и их трансляции в языковом общении. Интерсекциональность идентичностей, зафиксированная в

языке, это путь к «культивированию более высокого уровня Я», а также повод, чтобы заняться изучением отдельных компонентов индивидуальных идентичностей (вместо привычного целостного анализа) [The twofold role of minority language ..., 2020, p. 570].

В качестве примера позитивного прочтения современных лингвистических вызовов автор ссылается на проект коллектива психологов из Варшавского университета [ibid.]. Итоги их эмпирической работы, касавшейся функций языка в контексте межгрупповых отношений, убедительно продемонстрировали тот отрядный факт, что доступное сегодня разнообразие способов восприятия, переживания, репрезентации и обсуждения мира вокруг нас, помимо ассоциированных с ним специфических сложностей, является также «культурным капиталом», который помогает нивелировать последствия исторической травмы [Pitts, 2020, p. 571].

В заключение М. Питтс ссылается на ряд статей Всеобщей декларации прав человека ООН, где в перечне факторов, которые не могут служить препятствием для соблюдения равных прав людей (раса, цвет кожи, пол, национальность, социальное происхождение, собственность, политические, религиозные и прочие убеждения) фигурирует и язык. Статьи, помещенные в JLSP, вдохновляют на размышления, выходящие за пределы чисто научной рефлексии, подчеркивает Питтс; задача социальных аналитиков сегодня заключается в том, чтобы «направить позитивный потенциал глобальной интерсекциональности, выраженной в том числе, в языке и коммуникации, на благо отдельных групп и социальных сообществ» [ibid., p. 570–571].

Список литературы

Allport G.W. The nature of prejudice. – Cambridge (MA) : Addison-Wesley, 1954. – XVIII, 537 p.

Beukeboom C.J., Burgers C. How stereotypes are shared through language : a review and introduction of the Social categories and stereotypes communication (SCSC) framework // Rev. of communication research. – 2019. – Vol. 7. – P. 1–37.

Beukeboom C.J., Finkenauer C., Wigboldus D.H.J. The negation bias : when negations signal stereotypic expectancies // J. of personality a. social psychology. – 2010. – Vol. 99, N 6. – P. 978–992.

Brave Heart-Jordan M.Y.H. The historical trauma response among natives and its relationship with substance abuse : a Lakota illustration // J. of psychoactive drugs. – 2003. – Vol. 35, N 1. – P. 7–13.

Bruckmüller S., Braun M. One group's advantage or another group's disadvantage? How comparative framing shapes explanations of, and reactions to, workplace gender inequality // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 457–475.

Burgers Ch., Beukeboom C. How language contributes to stereotype formation : combined effect of label types and negative use in behavior descriptions // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 438–456.

Burnette S.E. Historical oppression and indigenous families : uncovering potential risk factors for indigenous families touched by violence // *Family relations*. – 2016. – Vol. 65, N 2. – P. 354–368.

Categorical and contextual bases of person memory and stereotyping / Taylor S.E., Fiske S.T., Etcoff N.L., Ruderman A.J. // *J. of personality a. social psychology*. – 1978. – Vol. 36, N 7. – P. 778–793.

Hugenberg K., Wilson J.P. Faces are central to social cognition // *Oxford handbook of social cognition* / ed. by D.E. Carlston. – Oxford : Oxford univ. press, 2013. – P. 167–193.

Language challenges in the 21st century : prologue / Birney M., Roessel J., Hansen K., Rakić T. // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 428–437.

Misiak M. Miedzy Popradem a Oslawą : tożsamość kulturowo-językowa Łemków w ujęciu etnolingwistycznym [Between Poprad and Oslawa: the Lemko's cultural and linguistic identity in ethnolinguistic context]. – Wrocław : Profil, 2018. – 272 p.

Pitts M.J. The language opportunities for the 21st century : epilogue // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 567–574.

Positive communication in health and wellness / ed. by M.J. Pitts, T.J. Socha. – N.Y. : Peter Lang, 2013. – VII, 351 p.

Rakić T., Steffens M.C., Mummendey A. Blinded by the accent! The minor role of looks in ethnic categorization // *J. of personality a. social psychology*. – 2011. – Vol. 100, N 1. – P. 16–29.

Rakić T., Steffens M.C., Szager A. Do people remember what is prototypical? The role of accent-religion intersectionality for individual and category memory // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 476–494.

Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. Positive psychology : an introduction // *American psychologist*. – 2000. – Vol. 55, N 1. – P. 5–14.

The twofold role of minority language in historical trauma : the case of Lemko minority in Poland / Skrodzka M., Hansen K., Olko J., Bilewicz M. // *J. of language a. social psychology*. – 2020. – Vol. 39, N 4. – P. 551–566.

Woodhouse S., Brown R., Ayers S. A social model of posttraumatic stress disorder : interpersonal trauma, attachment, group identification, disclosure, social acknowledgement and negative cognitions // *J. of theoretical social psychology*. – 2018. – Vol. 2, N 2. – P. 35–48.